

КУДРЯШОВА Ирина Владимировна – кандидат политических наук, доцент; доцент кафедры сравнительной политологии Московского государственного института международных отношений (университет) МИД РФ (119454, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 76; i.kudryashova@inno.mgimo.ru)

СТЮАРТ Алена – соискатель кафедры сравнительной политологии Московского государственного института международных отношений (университет) МИД РФ (119454, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 76; alenastewart17@gmail.com)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ В УСЛОВИЯХ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ РАЗДЕЛЕННОСТИ И НЕКОНСОЛИДИРОВАННЫХ ГРАНИЦ: ОПЫТ КИРГИЗИИ

Аннотация. В статье предпринята попытка оценить роль и потенциал институциональных реформ в борьбе с хронической политической нестабильностью в Киргизии. В фокусе внимания авторов такие ее источники, как неконсолидированность центров и границ и этнокультурная разделенность. Сделан вывод, что в сложившихся социально-экономических условиях и при общем недостатке материально-финансовых ресурсов политическая система слабо реагирует на любую институциональную перестройку, а общественные ожидания подвижны. Исследование проведено в русле макроисторического, макро-социологического и институционального подходов.

Ключевые слова: Киргизская Республика, разделенное общество, формальные и неформальные институты, этнополитические риски, реформы, политическая стабилизация, безопасность

Введение

С момента получения независимости в 1991 г. Киргизская Республика (КР) ведет борьбу с политической нестабильностью, имеющей несколько отчетливых проявлений. Во-первых, несмотря на регулярность выборов, смена власти чаще происходит с помощью внеинституциональных механизмов – через протесты, громкие отставки правительства и государственные перевороты. Так, в 2005 г. Киргизия пережила «тюльпановую революцию», в 2010 г. – «пасхальную». Несмотря на попытки правящей элиты найти и реализовать институциональные решения с целью стабилизации ситуации, в 2020 г. произошла очередная, третья по счету революция (новый президент назвал это событие «народным восстанием»¹).

Истоки политических волнений и беспорядков многие эксперты видят в региональном расколе «север – юг», за которым стоит политизированная клановая система социальной организации. Как отмечает А. Болпонова, исторически дуальная система союзов кочевых племен позволяла успешно регулировать размеры территории и населения [Болпонова 2015: 61]. После распада СССР в условиях наступившей демодернизации в борьбу за власть включились «обновленные» кланы, объединяющие индивидов и по признаку родства (приятельства, места проживания и т.д.), и в силу политических и деловых интересов [Глазова 2019: 50].

¹ «В тюрьме ты 24 часа в сутки свободный человек». 2021. – *Коммерсантъ*. 10.01. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/4639707> (проверено 10.10.2022).

Во-вторых, на юге страны периодически возникают межэтнические столкновения. Там проживает основная часть узбеков страны, а также казахи, турки-месхетинцы, татары, каракалпаки, уйгуры, украинцы, русские и другие меньшинства. Тесное соседство при недостатке ресурсов ведет к конфликтам и создает почву для распространения экстремистских настроений¹. Так, в 1989 г. произошел крупный конфликт между узбеками и турками-месхетинцами. Серьезные столкновения между киргизами и узбеками имели место в 1967, 1990 и 2010 гг. Причины этих всплесков насилия до настоящего времени официально не определены и, соответственно, не устранены.

В-третьих, продолжаются конфликты по поводу государственных границ. На киргизско-таджикской границе насчитывается около 70 спорных участков (по оценкам, они составляют примерно 30% ее общей протяженности). Последний из череды подобных конфликтов вспыхнул в сентябре 2022 г. Такие же территориальные проблемы осложняют отношения Киргизии и Узбекистана. Консультации по разрешению приграничных споров продолжают, но прийти к соглашению по многим участкам очень сложно, поскольку они являются критически важными для доступа населения к посевным полям, пастбищам или воде.

Хроническая политическая нестабильность, отягощенная социально-экономическими проблемами, позволяет охарактеризовать Киргизию как уязвимое, или хрупкое государство [Elagin 2021]. По данным *Fragile States Index*², Киргизия в 2022 г. оставалась в группе стран высокого риска (оценка 77,1 из максимально возможных 120 баллов). Уровень бедности по стране составил в 2021 г. 33,3% общей численности населения, а уровень крайней бедности – 6,0%³. Среди других факторов неблагополучия – перенаселенность Ферганской долины⁴ (плотность населения в ней достигает 360 чел. на кв. км⁵, а в некоторых районах колеблется от 1 000 до 5 000 чел. на кв. км⁶), высокий уровень безработицы (о чем также свидетельствует масштаб трудовой миграции – от 800 тыс. до 1 млн граждан КР, т.е. около 40% ее трудоспособного населения, регулярно работают за рубежом⁷), отсутствие центров экономического роста.

Очевидно, что если усилия для преодоления хронической политической нестабильности не предпринимаются, то такое государство может оказаться

¹ Baker N. 2011. The Ferghana Valley: A Soviet Legacy Faced with Climate Change. ICE Case Studies. No. 252. – *The Mandala Projects*. Доступ: <http://mandalaprojects.com/ice/ice-cases/ferghana.htm> (проверено 21.10.2022).

² Fragile States Index. Доступ: <https://fragilestatesindex.org/country-data/> (проверено 21.10.2022).

³ Об уровне бедности в Кыргызской Республике в 2021 г. – *Национальный статистический комитет Кыргызской Республики*. Доступ: <http://www.stat.kg/media/publicationarchive/9462883c-9dd6-4c33-9a95-2958a38c3ba2.pdf> (проверено 21.10.2022).

⁴ В Ферганской долине частично расположены Джалал-Абадская, Ошская и Баткенская области КР.

⁵ Grassroots Peacebuilding: Cross-Border Cooperation in the Ferghana Valley. 2018. CAP Fellows Paper 202. – *Central Asia Program*. January. Доступ: <https://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2018/02/Mamatova-CAP-Fellows-Paper-February-2018.pdf> (проверено 21.10.2022).

⁶ Arynova A., Schmeier S. et al. 2021. Conflicts over Water and Water Infrastructure at the Tajik-Kyrgyz Border: a Looming Threat for Central Asia? – *Water, Peace and Security Partnership*. Доступ: <https://waterpeacesecurity.org/files/68> (проверено 21.10.2022).

⁷ Migration, Food Security and Nutrition in the Kyrgyz Republic. 2021. – *World Food Programme and the International Organization for Migration*. P. 5. Доступ: <https://docs.wfp.org/api/documents/WFP-0000135311/download/> (проверено 21.10.2022).

несостоятельным и даже утратить суверенность [Puyin et al. 2012]. Политические элиты КР такие усилия предпринимают и пытаются найти решение в реформах политико-институциональной сферы, однако без видимого результата. Следуя позиции Б. Вайнгаста и Д. Уитмана, которые увязывают выживаемость институтов с их историческим генезом [Weingast, Wittman 2006], мы попытаемся выяснить причины неэффективности проводимых реформ (и оценить общий потенциал институционального реформирования) на основе макроисторического подхода. Имплементация выбранного подхода осуществлена при опоре на критерии, разработанные ОЭСР [Elagin 2021: 115]. В фокусе статьи будет анализ рисков, порождаемых в первую очередь этнокультурной разнородностью (под которой мы имеем в виду не только этнический состав, но и «обновленную клановость») [Метаморфозы... 2020: 127-129], а также неконсолидированностью центров и границ.

Неконсолидированные границы и этнокультурная разнородность как источник политических рисков и кризисов

Неконсолидированность границ Киргизии, как и других государств региона, во многом предопределена национально-территориальной политикой предшествующего периода. В результате тяжелой борьбы с басмаческим движением в 1920-е гг. советское руководство, стремясь снизить риски сепаратизма, провело ряд реформ, часто противоречивых и поспешных [Масов 1988]: границы, как и статус советских республик (союзная – автономная), неоднократно менялись. Противоречивость административно-территориальной и культурной политики СССР привела к тому, что после его краха административно-политические, экономические и культурные центры и границы новых государств не совпадали [Кудряшова, Мелешкина 2009: 51].

Для КР эта проблема выражается не только в пограничных конфликтах, но и в том, что Бишкек является центром политической и экономической жизни, а Ош существует в исторической памяти как «южная столица», город, который на протяжении веков играл важную политическую, экономическую и культурную роль, будучи главной остановкой на ферганской ветке Шелкового пути. Именно на юге были расположены традиционные религиозные центры. Даже после репрессий советского периода и установления «официального ислама»¹ в Ферганской долине нелегально продолжалось обучение «истинному» (неофициальному) исламу. Сохраняя свой исторический статус, Ош, однако, потерял ряд промышленных объектов: после распада СССР киргизско-узбекская граница отрезала часть экономической и торговой инфраструктуры города. Это привело к усилению диспропорции между севером и югом страны: например, промышленные доли ВВП в Бишкеке и Чуйской обл. – 22,5% и 36,2%, а в Ошской обл. и г. Оше – 3,8 и 1,6%².

Важной чертой киргизского общества выступает этнокультурная разнородность. Центральные и восточные районы страны населены в основном кир-

¹ Образование ДУМ Средней Азии (САДУМ). 2009. – ИД «Медина». 30.03. Доступ: <http://www.idmedina.ru/ussr/?1113> (проверено 21.10.2022).

² Промышленность Кыргызстана в разбивке по регионам. 2012. – *Промышленность Кыргызстана*. Доступ: <https://rus.gateway.kg/industry/promyshlennost-kyrgyzstana/regions/> (проверено 21.10.2022).

гизами¹ и имеют низкий уровень этнического разнообразия, в Чуйской обл. и Бишкеке традиционно проживает основная часть народов славянского происхождения, а на юге высока доля узбеков и таджиков [Мкртчян, Сарыгулов 2011]. Помимо этнической, присутствует и клановая сегментация. В ходе исторического развития и естественной самоорганизации кочевого сообщества возникли два крыла, изначально объединявшие племена по территориальному признаку [Годы, которые изменили... 2009: 102]: правое крыло – «онг» (замыкается на одном южном клане – адыгине), левое крыло – «сол» (северные и западные кланы) и группировка «ичкилик» (также южная, основу которой составляют кланы кипчакского происхождения, включающие казахов и узбеков)². Объединяя и упорядочивая родоплеменные объединения, клановая система до сих пор выступает регулятором социально-политической жизни киргизов [Асанканов, Осмонов 2002: 89].

Особенность этой системы А. Болпонова видит в том, что борьба за власть и доступ к ресурсам ведется не только между кланами, но и между племенами внутри них, следствием чего является формирование различных региональных родовых балансов и рост внутренней конфликтности [Болпонова 2015].

Таким образом, революции 2005 и 2010 гг. вряд ли целесообразно рассматривать через призму политической борьбы между сторонниками демократизации и «сильной власти»: повторяющийся паттерн свидетельствует, что теорий демократизации и консоциализма [Харитоновна 2021] недостаточно для осмысления киргизского опыта. Сценарий остался неизменным и в 2020 г.: после стремительных и масштабных протестов, вызванных «нечестными» предварительными результатами парламентских выборов, предыдущий президент подал в отставку, а новый избранник пообещал «не сворачивать с демократического пути»³ и провел очередной референдум по изменению Конституции.

Институциональные попытки политической стабилизации

В попытках преодолеть этнокультурную разделенность Киргизии и сдерживать центростремительные силы были опробованы различные институциональные решения. Они проводились через внесение изменений и добавлений в Основной закон (конституция в стране менялась за последние 30 лет 10 раз) и законы о выборах.

Главным объектом институциональных изменений стала система контроля над правительством: с момента независимости власть передавалась от президента к парламенту, затем к премьеру [Блохина 2017]. После референдума 2021 г. власть снова перешла к президенту, и в стране установилась президентская или даже «суперпрезидентская» форма правления (для нее характерны гипертрофированные президентские полномочия и несбалансированные отношения между ветвями власти). Состав Жогорку Кенеша сократился со 120 до 90 чел., избираемых сроком на 5 лет. Президент получил возможность назначать кабинет министров и руководителей региональных администраций, устанавливать дату парламентских выборов и вводить режим чрезвычайного поло-

¹ Киргизы составляют 73,3% населения страны, узбеки – 14,7%, русские – 5,6%. – *Кыргызстан в цифрах. Статистический сборник*. 2022. Бишкек. С. 51. Доступ: <http://stat.kg/media/publicationarchive/c2680694-07a1-4728-9921-131cb00e6c46.pdf> (проверено 23.10.2022).

² Сариев М. Киргизия: Род или племя? 2010. – *Русский репортер*. 15.04. № 14. Доступ: https://expert.ru/russian_reporter/2010/14/sariev/ (проверено 21.10.2022).

³ Президент Жапаров: «Кыргызстан не свернет с демократического пути». 2021. – *Радио Азаттык*. 22.09. Доступ: <https://rus.azattyk.org/a/31472143.html> (проверено 21.10.2022).

жения, а также расширил контроль над судебной властью. Помимо этого, по инициативе президента создана платформа для созыва Народного Курултая¹, участники которого наделяются правом законодательной инициативы и могут вносить главе государства предложение об освобождении от должности членов правительства и руководителей иных органов исполнительной власти.

Вторым заметным направлением реформ стал пересмотр избирательной системы, которая с 1991 по 2000 г. была мажоритарной, в 2000–2003 гг. – пропорциональной, в 2003–2007 гг. – вновь мажоритарной и в 2007–2021 гг. – вновь пропорциональной. В 2021 г. было решено установить смешанную (параллельную) систему с закрытыми списками: 54 депутата от политических партий избираются по пропорциональной системе в одном общенациональном округе, и 36 депутатов – по одномандатным округам по мажоритарной системе (право выдвижения кандидатов принадлежит политическим партиям и гражданам путем самовыдвижения). Избирательный порог был снижен с 7% до 5%, каждая партия также должна получить не менее 0,7% голосов в каждой из семи областей страны и не может занимать более 65 мест.

Принимались и определенные меры по регулированию межэтнических отношений. В 2011 г. был создан отдел межэтнического развития и религиозной политики в рамках аппарата президента, сегодня эти задачи возложены на администрацию президента, кабинет министров и Народный Курултай. В 2021 г. была принята концепция развития гражданской идентичности Кыргыз жараны (Киргизский гражданин) на период 2021–2026 гг. Она является продолжением Концепции укрепления единства народа и межэтнических отношений в КР на 2013–2017 гг., которая была разработана после событий 2010 г. В ней подчеркнута необходимость создания общегражданской идентичности, «объединяющей все этнические сообщества при сохранении ими своей этнокультурной идентичности»². Вместе с тем узбекский язык не получил какого-либо официального статуса.

В настоящий период этнокультурная разделенность и слабость формальных институтов делают политическую систему Киргизии маловосприимчивой к попыткам перестройки. В целом результаты институциональных реформ противоречат логике А. Лейпхарта и его последователей, согласно которой репрезентативные (парламентские) модели способствуют поддержанию порядка во фрагментированных обществах.

Институциональные попытки политической стабилизации: альтернатива

Действительно, репрезентативные модели способствуют жизнеспособности институтов разделенных обществ, но это происходит главным образом в относительно развитых экономически странах и при невысокой степени гетерогенности [Powell 1982]. П. Кольер был одним из тех, кто предупреждал, что попытки построить демократию в странах «нижнего миллиарда» в условиях разделенного общества не увенчаются успехом, поскольку экономические затраты на электоральную борьбу будут дисфункциональны как для экономи-

¹ Конституционный закон Кыргызской Республики «О Народном Курултае» (проект). – Президент Кыргызской Республики. Официальный сайт. Доступ: https://www.president.kg/ru/apparat_prezidenta/zakonoproekty/konstitucionnyy_zakon_kyrgyzskoy_respubliki_o_narodnom_kurultae (проверено 21.10.2022).

² Концепция развития гражданской идентичности – Кыргыз жараны в Кыргызской Республике на период 2021–2026 годы. 2020. – Министерство юстиции Кыргызской Республики. Доступ: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430346/10?cl=ru-ru&mode=tekst> (проверено 21.10.2022).

ческого роста страны, так и для самого режима, а система сдержек и противовесов будет размытой в силу острой борьбы за ресурсы, хотя именно она является одним из главных условий экономического роста [Collier 2007].

По-иному взглянуть на проблему политической стабилизации Киргизии позволяют исследования Дж. Селвея и Х. Темплмана [Selway, Templeman 2012]. Они содержат анализ данных, которые выходят за пределы изначальных исследований по эффективности консоциации и позволяют сделать вывод, что многие глубоко разделенные страны при слабой экономике добиваются большей стабильности именно при сильной централизованной власти [Mainwaring 1993], в то время как четкая корреляция между консоциативными моделями и снижением конфликтного потенциала разделенных стран отсутствует. В связи с этим президентская система, мажоритарная партийная система и унитарное устройство могут быть более эффективным решением для таких сообществ, как киргизское.

Центростремительные тенденции, обусловленные таким форматом институционального дизайна, способны обеспечить более стабильное развитие политической системы. Широкие полномочия президента в области контроля над правительством помогут преодолеть такую проблему, как слабая и раздробленная партийная система, и тем самым снизить вероятность правительственного паралича в результате распада коалиционного большинства (как часто происходит в Жогорку Кенеше). Они также позволяют осуществлять кризисное управление и более эффективно обеспечивать население ресурсами [Alesina et al. 2003]. Унитаризм способствует укреплению политического центра и снятию вопроса о его неконсолидированности, в отличие от федерализма, который придает легитимность требованиям отдельных субъектов федерации, что создает риски сепарации.

Однако насколько реализуема эта модель в киргизских реалиях? Судя по результатам опросов, в настоящий момент она соответствует культурным ориентациям и ожиданиям киргизских граждан. Так, в соответствии с *World Values Survey Wave 7 (2017–2022)*¹, 62% граждан КР предпочли бы безопасность свободе (вопрос 150), 57,6% (против – 9,5%) отдают приоритет национальному порядку перед свободой слова (вопрос 154). Наконец, 30,4% респондентов хотели бы видеть во главе страны сильного лидера, который не зависит ни от парламента, ни от выборов, и 31,9% считают такую систему «достаточно хорошей» (вопрос 235). Однако «сильные лидеры» во главе Киргизии уже были (как представляется, к ним можно отнести К. Бакиева), но консолидировать общество не удалось.

Заключение

Как показал проведенный анализ, сами по себе институциональные реформы не могут справиться с хронической политической нестабильностью, обусловленной историко-политическими, социокультурными и экономическими причинами. Их эффект проявляется скорее в другом: при каждом новом раунде изменения властного баланса они порождают позитивные общественные ожидания и тем самым на некоторое время стабилизируют ситуацию. Понимание того, что эти «передышки» должны быть использованы для решения задач экономики и безопасности, у киргизских элит присутствует. Поиск партнеров и спонсоров обозначается в политическом дис-

¹ World Values Survey Wave 7 (2017–2022). Доступ: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (проверено 21.10.2022).

курсе как многовекторное развитие, которое на деле зачастую определяется сиюминутной выгодой и краткосрочными нуждами. Однако при существующей геополитической и геоэкономической ситуации всем центральноазиатским странам придется разрабатывать более практические и долгосрочные планы [Сафранчук, Жорнист, Несмашный 2021]. Объективно наиболее заинтересованным партнером для Киргизии на данный момент выступает Россия, особенно учитывая ее разворот на глобальный Восток и перенаправление внешних связей на Азию. Углубление двустороннего и регионального сотрудничества в рамках ЕАЭС (а также ОДКБ и ШОС) будет иметь позитивные последствия для политической и экономической стабилизации. Подобное сотрудничество, опирающееся на длительный опыт развития Киргизии в советский период, может содействовать решению таких проблем, как модернизация экономики, включая энергетический блок, упорядочение трудовой миграции и безопасность границ.

Список литературы

Асанканов А.А., Осмонов О.Дж. 2002. *История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней)*: учебник для вузов. Бишкек. 345 с.

Блохина А.О. 2017. Институциональные изменения и политическая стабильность в Киргизской Республике. — *Вестник МГИМО-Университета*. № 6(57). С. 102-115.

Болпонова А. 2015. Политические кланы Кыргызстана: история и современность. — *Центральная Азия и Кавказ*. Т. 18. № 3-4. С. 57-72.

Глазова Е.С. 2019. Киргизия: институциональные изменения как выход из «ловушек развития». — *Южно-российский журнал социальных наук*. Т. 20. № 4. С. 49-62.

Годы, которые изменили Центральную Азию (под ред. И. Звягельской). 2009. М.: Центр стратегических и политических исследований Института востоковедения РАН. 332 с.

Кудряшова И.В., Мелешкина Е.Ю. 2009. Этнические меньшинства и национальное строительство на постсоветском пространстве: к постановке исследовательской проблемы. — *Вестник МГИМО-Университета*. № 2(5). С. 45-55.

Масов Р.М. 1988. *История исторической науки и историография социалистического строительства в Таджикистане*. Душанбе: Дониш. 318 с.

Метаморфозы разделенных обществ (под ред. И.В. Кудряшовой, О.Г. Харитоновой). 2020. М.: Изд-во МГИМО(У). 284 с.

Мкртчян Н., Сарыгулов Б. 2011. Изменение этнического состава населения. — *Население Кыргызстана в начале XXI в.* (под ред. М.Б. Денисенко). Бишкек: UNFPA. С. 82-92.

Сафранчук И.А., Жорнист В.М., Несмашный А.Д. 2021. Гегемония и мировой порядок: обзор концепции «сложной гегемонии». — *Вестник международных организаций*. Т. 16. № 1. С. 172-183. DOI: 10.17323/1996-7845-2021-01-09.

Харитонов О.Г. 2021. Теория и практика консоциализма в ближневосточном контексте: новые грани старой проблемы. — *Южно-российский журнал социальных наук*. Т. 22. № 4. С. 61-80. DOI: 10.31429/26190567-22-4-61-80.

Alesina A., Devleeschauwer A., Easterly W., Kurlat S., Wacziarg R. 2003. Fractionalization. — *Journal of Economic Growth*. Vol. 8. Is. 2. P. 155-194. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1024471506938>.

Collier P. 2007. *The Bottom Billion: Why the Poorest Countries Are Failing and What Can Be Done About It*. N.Y.: Oxford University Press. 224 p.

Elagin D.P. 2021. Conceptual Perspectives on State Fragility. — *Вестник МГИМО-*

Университета. Т. 14. № 4. С. 107-135. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-4-79-107-135>.

Ilyin M., Khavenson T., Meleshkina E., Stukal D., Zharikova E. 2012. Factors of Post-Socialist Stateness. — *SSRN Electronic Journal*. Доступ: <https://doi.org/10.2139/SSRN.2020937> (проверено 21.10.2022).

Mainwaring S. 1993. Presidentialism, Multipartism, and Democracy: The Difficult Combination. — *Comparative Political Studies*. Vol. 26. Is. 2. P. 198-228. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414093026002003>.

Powell G.B., Jr. 1982. *Contemporary Democracies: Participation, Stability, and Violence*. Cambridge: Harvard University Press. 294 p.

Selway J., Templeman Kh. 2012. The Myth of Consociationalism? Conflict Reduction in Divided Societies. — *Comparative Political Studies*. Vol. 45. Is. 12. P. 1542–1571. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414011425341>.

Weingast B.R., Wittman D.A. 2006. The Reach of Political Economy. — *The Oxford Handbook of Political Economy*. N.Y.: Oxford University Press. P. 3-26.

KUDRYASHOVA Irina Vladimirovna, *Cand.Sci. (Pol.Sci.)*, Associate Professor; Associate Professor of the Chair of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations, University of the Ministry for Foreign Affairs of Russia (76 Vernadskogo Ave, Moscow, Russia, 119454; i.kudryashova@inno.mgimo.ru)

STEWART Alena, postgraduate student of the Chair of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations, University of the Ministry for Foreign Affairs of Russia (76 Vernadskogo Ave, Moscow, Russia, 119454; alenastewart17@gmail.com)

ETHNOCULTURAL DIVISION, UNCONSOLIDATED BORDERS AND INSTITUTIONAL REFORMS: THE KYRGYZ EXPERIENCE

Abstract. The study investigates the role and the capacity of institutional reforms in mitigating chronic political instability in Kyrgyzstan, which often manifests itself in mass protests, ethno-political conflicts and border disputes. Combining macro-historical, macro-sociological and institutional approaches into a research framework allows the authors to focus on such root causes of instability as ethnocultural divides and unconsolidated centers and borders. The analysis of the institutional reforms with pro-democratic and pro-authoritarian models lead up to the conclusion that with the current general lack of material and financial resources the political system responds rather weakly to any institutional changes while the expectations and orientations of the society are rather flexible. Thus, the situation suggests a rather pragmatic approach in strengthening the cooperation with Russia on bilateral basis as well as within such regional organizations as the Eurasian Economic Union, Shanghai Cooperation Organization and Collective Security Treaty Organization rather than choosing a multivector foreign policy that is currently declared by the Kyrgyz elites.

Keywords: Kyrgyz Republic, divided society, formal and informal institutions, ethno-political risks, reforms, political stabilization, security
